

СОВЕТСКАЯ РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В СИБИРИ,

гос. практика массового применения уголов. правосудия и неправовых мер в отношении полит. оппозиции, различ. соц. групп, слоев об -ва и отд. граждан в рев., послерево. годы и в период сталин. диктатуры. Использовалась полит. рук-вом ССР в кач-ве инструмента мобилизации масс в ходе радикал. соц.- экон. преобразований и преодоления кризис. ситуаций, а также для укрепления режима личн. власти.

Типичными ее проявлениями были кампании судеб. и внесудеб. преследований, массовые *депортации*, спец. террор. операции против лиц или групп населения, признаваемых потенц. против никами режима. Происхождение Р. п. сов. эпохи объясняется природой той со ц. рево люции, к-рая произошла в России в окт. 1917 и завершилась приходом к власти леворадикал. сил в лице большевист. партии (РК П(б)–ВКП(б) - КПСС). Выражая опред. массовые настроения «низов» об -ва, составлявших значит. долю населения страны, эта партия стала решит. проводником максималист. устремлений к уравнительству и разрушению всей прежней об ществ. сис темы. Выдвинутая ею волонтарист. программа «ликвидации капиталистическо гостроя», его институтов (частн. собственности, ден. обращения, системы наем. труда) и замены рыноч. экономики гос. регулированием явилась осн. предпосылкой перехода к массовой Р. п. Данная программа послужила важным фактором появления внеэкон. принуждения как способа решения соц. и хоз. задач.

Своими корнями сов. Р. п. была связана также с автократ. традицией царского времени, с нормами принуд. во здействии я гос -ва на об ществ. про цесс ы в стране. Длит. господство самодержавия и полицейско-бюрокр методов управления страной заложили ос нов ы со тв. полит.-правовой культуры. В обществ.-полит. жизни боьшое распространение получили внесудеб. меры наказания, суровое преследование инакомыслия и такие репрес. институты, как каторга и ссылка.

Актив. использование репрес. мер началось уже с 1-х месяцев установления сов. власти. В условиях Гражданской войны 1918–20 к репрессиям прибегали все воюющие стороны. Бессуд. расстрелы, заложничество, групповые аресты и пр. акты подавления и устрашения противника являлись состав. частью ожесточен. борьбы враждующих сил. Складывался первый сов. опыт широкого гос. при нуждения, воплощенный в системе мер «военного коммунизма» и продразверстки. В Сибири, где сов. власть стала закрепляться с 1920, объектом репрес. акций пр-ва стали большие группы крест. населения, не желавшего мириться с систематич. конфискациями производимых ими продуктов в счет выполнения продразверстки. Против мероприятий гос. власти были подняты стихийные восстания, из к-рых наиболее круп. стал Западно-Сибирский мятеж 1921 с участием десятков тысяч человек. Крест. волнения были подавлены оруж. силой, мн. их участники подверглись репрессиям (*см. Крестьянское движение*). В условиях новой экономической политики и наступления общей стабилизации в стране масштабы репрес. мер гос -ва заметно снизились. В Сибири в этот период действия карат. органов (ВЧК–ГПУ) были направлены на устранение остатков полит. оппозиции большевизму (эсеров, меньшевиков, *анархистов*, националистов) и ликвидацию отд. групп «исторической контрреволюции», состоявшей из представителей свергнутых классов. Наиболее характерные эпизоды этой эпохи проявились в арестах и изоляции членов оппозиц. партий (в *Новониколаевске*, Томске, Каинске, Барнауле, Иркутске и др. городах), преследов аниях бывш. офицеров, гос. служащих, круп. частн. собственников и др. «социально-чуждых элементов». В апр.– мае 1923 в Новониколаевске состоялся один из первых показат. уголов. судов над полит. противниками большевизма – Базаровско-Незнамовский процесс, на к-ром св . 80 чел. были при говорены к различ. видам наказания, в т. ч. 33 чел. – к расстрелу.

Новый этап Р. п. в Сибири начался в кон. 1920-х гг. Провозгласив курс «развернутого наступления социализма по всему фронту», парт. рук-во санкциониров ло решит. «борьбу с капиталистическими элементами». С этого периода система гос. принуждения существ. трансформировалась, насилие приобр етало хар-р массовых полит. кампаний. Переход к

новому курсу во внутр. политике означал прежде всего радикал. поворот в отношениях с крест-вом. Ликвидировав к 1928 свобод. рынок сырья и продовольствия, сов. власть встретила в лице крестьян решит. противников планов ускор. модернизации экономики за счет ущемления интересов деревни. Чтобы заставить сел. тружеников сдавать «хлебные излишки», использовались различ. способы. С янв. 1928 гл. из них стало расширит. при менение судеб. преследований на осн. ст. 107 УК РСФСР, допускавшей арест и конфискацию части уро жая по мотивам «злостного повышения цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок». К марту 1928 в *Сибирском кр.* «в связи с хлебозаготовками» было арестовано ок. 1,3 тыс. чел. В ходе последующей кампании хлебозаготовок (1929) к кр ест-ву применялись новые статьи УК РСФСР (ст. 61 и др.) (см. Хлебо-заготовительный кризис 1927/28, Урало-сибирский метод хлебозаготовок). Условием для эскалации массовых репрессий в отношении «кулаков» послужил раскол в среде крест-ва, к-рый был результатом целенаправленной политики большевист. партии. На протяжении 1920-х гг. сов. власть культивировала в сел. среде идеи клас. непримири мос ти, подогревала бор ьбу двух полюсов деревни (бедноты и зажиточных) посредством экон. и полит. мер по ограничению «кулацких тенденций» и предоставления привилегий бедноте. К кон. 1929 внутрикрест. конфликт достиг такого уровня, к-рый позволил органам власти начать повс емест. «ликвидацию кулачества». При менение репрес. мер, поддерживаемых беднотой и сел. «активистами», было одним из гл. рычагов проведения *коллективизации* – радикал. соц. перестройки деревни. С первых месяцев 1930 волна анархич. «раскулачивания» охватила бо льшинство с.-х. р-нов Сибири. При отсутствии к.-л. правовых норм развитие этого первое время стих. процесса привело к полному упразднению законности в деревне. Мн. офиц. отчеты тех дней характеризовали процесс «экспроприации кулаков» как массовое соц. бедствие. Коллективизация – один из самых драм. этапов Р. п., крупнейшая акция насилия и гос. принуждения 1930-х гг. С февр. 1930 по всей Сибири происходили массовые аресты крестьян за попытки сопротивления «раскулачиванию», за «самоликвидацию» своего хоз-ва, бегство с места жительства и оказание помощи прятавшимся. Аресту подверглись и многие бывш. военнослужащие белой армии и священнослужители. В Западно-Сибирском кр. «тройками» ОГПУ были арестованы и осуждены 16 553 чел., в Дальневосточном кр. – 3 843, в Якутии – 411 чел. Осн. часть кампании заключалась в депортации «кулацких семей» за пределы создаваемых *колхозов*. 1-й этап этой карат. операции был осуществлен в Сибири в теч. 1930, начиная с февраля. Одновр. органами ОГПУ в регион были депортированы тысячи крест. семей, высланных из Украины, Белоруссии и Татари. Из 76,3 тыс. крест. хоз-в Сибирского кр., учтенных как «кулацкие», было экспроприровано 55,2 тыс. (72 %). Высылке в Сибирский кр. подверглось 17 525 семей, в Дальневосточный кр. – 537 семей, что составляло в целом ок. 90 тыс. чел. Из др. р-нов страны было сослано: в Сибирский кр. – 11 612 семей, в Дальневосточный кр. и рудники Алдана (Якутия) – 4 083 семьи, или 71 182 чел. Т. о., за неск. месяцев Сибирь превратилась в зону крест. ссылки. К кон. 1930 в вост. регионах страны, вкл. Сибирь и Д. Восток, сосредоточивалось 156 339 т. н. кулаков, или почти треть всех сосланных по стране. Однако объединить большинство крестьян в колхозах посредством лишь одной репрес. кампании оказалось невозможным. Поэтому ставка по-прежнему делалась на принуждение, но обобществление и «ликвидация кулачества» осуществлялись теперь в неск. приемов. В 1931–33 органы ОГПУ при содействии мест. парт. и гос. орг-ций провели в регионе серию круп. операций (в осн. в форме депортаций) по изоляции остатков сопротивляющихся крестьян. Самая масштаб. акция выселения последовала в мае–июне 1931. Депортации в Западно-Сибирском кр. подверглось ок. 44 тыс. крест. семей, большинство к-рых представляли крестьяне-единоличники. Органы ОГПУ и милиции изъяли 2 422 «кулака» в колхозах, 586 – в совхозах, 928 – на предприятиях и 226 – в госучреждениях. В закрытом письме Запсибкрайкома ВКП(б) райкомам партии «О

завершении сплошной коллективизации» отмечалось, что «экспроприация и выселение в мае 39 788 кулацких хозяйств прошла успешно. Обреченный враг оказался неспособным на открытое сопротивление, благодаря активной поддержке наших мероприятий со стороны подавляющего большинства колхозных батрацко-средняка и масс».

Массовая ликвидация «кулаков» и превращение обобществлен. производства в осн. сектор сел. экономики означали полное изменение соц.-полит. контекста, определявшего хар-р репрес. мер в деревне. В связи с тем, что общие задачи партии из области политики, связанной с борьбой за колхозы, перешли в область экономики, т. е. орг-ции колхоз. произв-ва, клас. причин при менения карат. мер бо льше не существовало. С этого времени репрессии в переустройстве деревни могли проводиться только против тех слоев крест-ва, к-рые не относились к категори «социально-чуждых». Однако появление колхозов само по себе не со дздало гос -ву надежного ис точника сырья и про дово льстви я. Заменяя кр естьян-единоличников, первые колхозы стали также укрывать выращенный урожай, не желая сдавать его гос -ву за бесценно . Серьез. проблему для властей представляли и кр естьяне, не во шедшие в ко лхозы. Они оставались отриц. примером и свидетельством слабости колхоз. системы. Эти факторы побудили полит. рук-во страны учредить в деревне особый институт гос. контроля – *политотделы МТС и совхозов*, а также начать широко масштаб. «чистку» колхозов от «классово-враждебных элементов». Выявление «саботирующих» крестьян и их высылка производилась в теч. всего 1933. В 1-й группе были высланы единоличники, не желавшие принимать план посева.

В 1930-е гг. Р. п. в деревне играла роль совершенно нового элемента соц.-правового регулирования жизни сел. граждан. С появлением коллектив. хоз-ва – разновидности собственности гос -ва – появился и новый тип преступности, неизвестный в доколхоз. деревне. 7 авг. 1932 было принято пост. ЦИК и СНК ССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (см. *«Закон о колосках»*). В 1933–34 за «варварское отношение к коню» только в Западно-Сибирском кр. ежегодно судили по 7–8 тыс. крестьян. Качественно новый вид карат. мер – предание суду за «плохой ремонт тракторов», «несоблюдение норм высева», «хищение социалистической собственности», осуждение единоличников за «отказ от принятия обязательного плана сева», «невыполнение планов» и мн. др. С утверждением колхоз. строя общая потребность в репрессиях в отношении крестьян значит. ослабла, но полностью не исчезла. Она стала катализатором использования при нуждения в кач-ве регуляр. меры во вс ех с.-х. кампаниях, проводимых в деревне, в результате чего репрессии стали носить преим. сезонный хар-р. Важным следствием радикал. преобразований в экономике и соц. сфере в нач. 1930-х гг. были преследования представителей старой *интеллигенции* и ликвидир. госаппарата (бывш. чиновники, офицеры, торг., банк. служащие), Церкви и др. упраздненных структур, объединявшихся офиц. понятием «социально-чуждые». Репрес. действия ОГПУ против них представляли собой часть общей планомер. «чистки», к-рую режим рассматривал как превентив. меру в отношении потенц. противников. Гл. кампанию по выявлению «вредителей» в Сибири ОГПУ развернуло с лета 1930, в период нарастания экон. кризиса. Разоблачая «саботаж» и «вредительство» в различ. отраслях экономики, сиб. аппарат ОГПУ во главе с *Л.М. Заковским, Н.Н. Алексеевым, Я.П. Зирнисом* неизменно вскрывал к.-н. «заговор», участниками к-рого являлись «выходцы из социально-враждебной среды». Путем фабрикации следств. материалов органы ОГПУ готовили большие списки внутр. «врагов», а затем производили массовые аресты в гос. учреждениях и орг-циях. Так были сконструированы «заговор» в системе мясозаготовок Сибири, дело «контрреволюционной организации в сельском хозяйстве» под назв. «Трудовая крестьянская партия», дело работников из *Об-ва по изучению Сибири и ее производительных сил* и др. Типичным

было также дело о «*белогвардейском заговоре*» во главе с экон. консультантом Сибкрайплана, бывш. ген. *В.Г. Болдыревым* (по этому делу в 1933 арестовано 1759 чел.). Практика фальсификации уголов.-полит. дел в данный период отличалась не только своими необычными масштабами, но и стремлением объединять в рамках к.-л. «заговора» самые разнород. соц. элементы – бывш. белогвардейцев и красных партизан, священников и атеистов, генералов и рядовых солдат. В июле 1933 на совещании в крайкоме ВКП(б) полпред ОГПУ Н.Н. Алексеев отразил «...на протяжении последних пяти–шести месяцев, начиная с декабря месяца, арестовано по Запсибкраю примерно 15 тысяч человек, из них уже осуждено около 12 тысяч». Полномасштаб. «чистка» 1930–33 позволила радикально обновить кадр. состав мн. сов. учреждений, предприятий и орг-ций. После 1933 ОГПУ уже не производило изъятий «классово чуждых» в таких кол-вах; оно лишь добирало уцелевших и переключилось на новые категории населения и остатки «врагов» внутри правящей партии. Дальнейшая эволюция Р. п. связана с изменениями, вызванными убийством члена Политбюро ЦК ВКП(б) С.М. Кирова 1 дек. 1934. ЦК ВКП(б) и НКВД подготовили и провели серию акций, направленных на физ. ликвидацию бывш. сторонников троцкист. оппозиции. Сибирь в этом процессе служила местом ссылки для мн. полит. оппонентов режима, бывш. членов партии и др. лиц, удаленных из европ. городов ССР по признакам полит. неблагонадежности. Самую многочисл. группу высланных в 1935 под надзор НКВД в города и р-ны Сибири составили жители Ленинграда. С авг. 1936, после распространения закрытого письма ЦК ВКП(б) от 29 июля «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», началась кампания арестов, означавшая окончат. устранение остатков оппозиции из об-ществ. жизни страны. Она приобрела хар-р круп. спецоперации и завершилась массовыми арестами мн. бывш. коммунистов и беспарт. граждан. Аресту подверглись мн. бывш. видные деятели оппозиции, находившиеся в регионе на хоз. работе: Н.И. Муралов, М.С. Богуславский, Я.Н. Дробнис, А.К. Мирский, Н.А. Угланов и др. Полностью была ликвидирована полит. ссылка в Сибири, ее обитатели отправлены в лагеря НКВД. Ярким проявлением борьбы НКВД с «троцкистской оппозицией» стал *Кемеровский процесс* в нояб. 1936 – кр. уп. показат. суд над инженерами Кузбасса, обвиненными во вредит. деят-ти по заданию «троцкистов» и герм. спецслужб. С помощью этого и последовавших за ним моск. показат. процессов рук-ву страны удалось представить партии и об-ву доказательства широкого и глубоко законспирир. проникновения в структуры гос.-ва «вредительских троцкистских элементов». Такой итог открыл возможность начать кампанию массовых репрессий в самой большевист. партии. Реализация плана «чистки» партии началась в Сибири во 2-й пол. 1936, но широкие формы приобрела после февр.-март. Пленума ЦК ВКП(б) 1937. Первыми ее жертвами были члены партии, имевшие к.-л. связи с бывш. оппозиционерами, а также получившие взыскания полит.-идеол. хар-ра. Затем арестам стали подвергаться «вредители» в сфере экономики и упр-ния. С июля 1937 органы НКВД приступили к выполнению «особых приказов» НКВД ССР, подготовленных на основании решений Политбюро ЦК ВКП(б) о проведении «очистки страны от враждебных элементов». Аресты по опред. плану («лимита» и «линейным приказам») в 1937–38 являлись кульминацией политики репрессий, получившей назв. «*Большой террор*». Программа массовых арестов была направлена на ликвидацию осн. ядра парт. аппарата с целью его обновления, устранение «недостаточно надежной» части управленцев и воен. кадров, изъятие потенц. «враждебных элементов», вкл. нац. группы, этнически связанные с «враждебным государством», и всех подозреваемых в нелояльности сов. сис. теме. Массовые операции НКВД и вынесение приговоров по упрощен. процедуре (решениями «троек» и Особого совещания НКВД) прекратились в нояб. 1938. В дальнейшем был восстановлен ряд процессуальных норм (прокурор. надзор за ходом следствия, формальное ограничение в использовании пыток, судеб. рассмотрение большинства дел), произведен пересмотр нек-рых дел арестованных, а также смещена и обновлена часть аппарата карат. институтов –

органов НКВД, прокуратуры, суда. Дальнейшие изменения коснулись и хар-ра репрессий. В связи с обострением внешнеполит. ситуации нарастанием угрозы новой мировой войны рук-во страны приняло решение об ужесточении раб. законодат-ва. В полит. и соц. практике нач. 1940-х гг. это означало, что режим, продолжая преследования по полит. мотивам, вновь стал активно воздействовать на труд. отношения с помощью аппарата судеб. власти. Преследования трудящихся в предвоен. период, гл. обр. по Указу Верховного Совета ССР от 26 июня 1940 за самовол. уход с работы и опоздания, оказались масштабными. В Сибири они были со поставимы с судеб. репрессиями перио да коллективизации. Со гласно судеб. статистике, в Новосибирской обл. за 11 мес. со вр емени введения указа судами общегражд. юрисдикции был осужден 84 191 чел., в Красноярском кр. – 28 149 чел. На 1 февр. 1941 числ. осужденных за прогулы и опоздания на работу по указу от 26 июня по 5 регионам Сибири (Красноярский и Алтайский кр., Новосибирская, Омская и Иркутская обл.) составляла 120 410 чел. Вступление ССР во Вторую мировую войну повлекло за собо й важные изменения в ис пользовании репрессий как средства мобилизации масс. Глубокой коректировке подверглась система сов. правосудия. В условиях войны был пересмотрен список нарушений, за к-рые устанавливалась уголов. ответственность. Границы применения статей Уголовного кодекса существенно расширились благодаря новой трактовке самого понятия «преступное деяние». Целый ряд действий, к-рые в мирное время не считались даже адм. нарушением, перешел в разряд преступлений и подлежал уголов. наказанию. К категори уголов. правонарушений стали относиться «распространение в военное время ложных слухов» (Указ Верховного Совета ССР от 6 июля 1941), «уклонение от сдачи радиоприемников и призматических биноклей» (на осн. ст. 59-6 УК РСФСР), «уклонение от обязательного обучения военному делу». Вводилась уголов. ответственность для колхозников – «за невыработку минимума трудодней» (Указ Верхов ного Совета ССР от 15 апр. 1942), для молодежи – «за уклонение от воинского учета» (пост. Гос. Комитета Обороны от 16 янв. 1942), «за уклонение городско го населения от мобилизации на период военного времени на работу в промышленность и строительстве» (указ от 15 февр. 1942) и др. Одновр. был снижен и возрастной порог, с к-ро го наступала уголов. ответственность по всем видам правонарушений (с 14 лет). Др. важная тенденция – ужесточение труд. законодат-ва: повышена ответственность за опоздания на рабо ту, про гулы, самовол. уход, уклонение от труд. мобилизаций. Кроме того, на фоне расшир ения роли спец. судов – воен. и транспорт. трибуналов были значит. упрощены судеб.-следств. процедуры. Во время войны политика режима в сфере борьбы с гос. преступлениями, основу к-рых составляли преступления «контрреволюционные», была непоследовательной, с резкими поворотами. В начальный, наиболее трудный период войны (1941–42) власть активизировала внутр. борьбу с нежелат. полит. настро ениями и фактами неисполнительности, но на след. этапах не сочла необходимым расширять фронт этой борьбы. За 1941–45 в Сибири органами НКВД–НКГБ было арестов ано в Омской обл. – 4 360 чел., в Новосибирской обл. – 5 897, в Алтайском кр. – 6 816, в Красноярском кр. – 2 170, в Кемеровской обл. – 1 534 чел. В целом, репрессии в период Второй мировой войны отличались широким размахом и сосредоточивались прежде всего в области труд. отношений. Они распространялись в осн. на те категори населения, труд к-рых представлял наибольшую ценность для страны, – рабочих оборон. отраслей пром-ти, железнодорожников, шахтеров и колхозников. При отсутствии серьез. экон. стимулов судеб. репрессии и угроза их при менения служили доп. побуждением к труду для миллионов граждан. Тысячи граждан были репрессированы в соотв. с указами и законами воен. времени. Наиболее важные из них, напр. указы от 26 июня 1940 (о прогулах, опозданиях на работу и самовол. уходе), от 26 дек. 1942 (о самовол. уходе с предприятий воен. значения), от 15 апр. 1942 (об уклонении от мобилизации на с.-х. работы) и нек-рые др., продолжали действовать и в послевоен. время. Они были отменены только в сер. 1950-х гг. Появились и новые аспекты Р. п. – существенно возросли масштабы

депортации в Сибирь «контингентов» интернированных граждан из р-нов европ. части ССР и сопред. гос -в. За годы войны к числу спецпоселенцев прибавились немцы, эстонцы, латыши, литовцы, молдаване (1941), калмыки (1943–47), «вредительские и враждебные элементы» из Прибалтики, Молдавии, Белоруссии (1948–52) и др. регионов ССР. Общая числ. «новых спецпоселенцев» в Сибири и на Д. Востоке составляла ок. 900 тыс. Для послевоен. эпохи также было характерно применение репрессий против сел. жителей, уклонявшихся от работы в колхозе. Принятый с этой целью Указ Верховного Совета ССР от 2 июня 1948 предусматривал выселение в отдален. р-ны сроком на 8 лет граждан, «злостно уклоняющихся от трудовой повинности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». В 1948–53 по этому указу выселению подверглись 33,3 тыс. чел.

Ист. опыт Сибири как одного из крупнейших регионов Роси показал, что гос. Р. п. сыграла очень важную роль в соц. преобразованиях в 1930-е гг., а также в период войны и послевоен. время. Распространяясь на большие массы людей и оказывая на них прямое воздействие, она позволяла ее инициаторам добиваться значит. ускорения процессов соц. переустройства, укреплять основы авторитар. власти, решать проблемы мобилизации об-ва в кризисные моменты и добиваться исполнения амбициоз. экон. программ.

Лит.: Конквест Р. Большой террор. Рига, 1989; Солженицин А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. М., 1990; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск, 1995; Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997; Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы: В 5 т. 1927–1939. М., 1999–2006.

С.А. Папков

Историческая энциклопедия Сибири. Т-3. С.126-130.